

ОДИН

Аурипигмент

Тогда

— Хорошего вечера, Киа! А теперь тащи свою задницу в парк. У меня есть новости.

Ухмыляясь, я распахнула стеклянную дверь галереи «Whitewall» и, подставив лицо солнцу, приложила телефон к уху.

— Уже иду. И только попробуйте начать без меня.

Хриплый смех Лео на заднем плане подсказал мне, что угрожать уже слишком поздно.

— Иди сюда, — слегка неразборчиво позвала его София, прежде чем закончить звонок.

Наступила середина августа, и хотя было уже больше восьми, на улице все еще царил жара. Каждый день был полон возможностей. Мы наконец переехали в Лидс. Мы сделали это. И были непобедимы. Даже мысль о моих родителях не могла омрачить эту уверенность.

Хотя моя рабочая смена оказалась смертельно скучной — кто ходит в музей по такой жаре?! — весь день я была полна энергии. Теперь, когда мы все закончили школу, а занятия в университете

еще не начались, не было ничего лучше, чем гулять с друзьями.

Я шагнула на первую ступеньку.

Где-то я читала, что человеку дается такое счастье только в том случае, если он должен быть готов к большой беде.

Еще одна ступенька.

Если впоследствии у него что-то заберут.

Передо мной на каменной лестнице сидел свернувшийся калачиком молодой человек. Я ускорила шаг.

У моей беды было две ноги и улыбка, которая с первой секунды вскружила голову моей лучшей подруге.

Парень чего-то наглотался? Он не выглядел бездомным, для этого его одежда была слишком дорогой. Но глаза были красными. Может, просто пойти дальше? Я и так уже опаздываю. Но что, если ему нужна помощь?

Я оглянулась. Вокруг никого не было видно.

В этот момент раздался придушенный всхлип, и машинально я позволила себе опуститься рядом с ним на последнюю ступеньку. Чем дольше я смотрела на него, тем более сомнительной казалась моя догадка про наркотики. Он был совершенно трезв. И подавлен. Я спросила его, не позвать ли мне на помощь. И что с ним произошло.

— Она мертва, — выдавил он, вздрагивая всем телом, и слезы побежали у него по щекам. — Моя мама мертва.

Шок парализовал меня, но я заставила себя продолжить разговор. Сейчас я не могла оставить его одного. Он был совершенно не в себе.

После того как мы некоторое время поговорили и я дала ему свой номер телефона на случай, если понадобится с кем-то поговорить, он поднял голову и посмотрел на меня покрасневшими глазами. Казалось, он впервые действительно увидел меня. Его глаза были черными как уголь, такими же темными, как и его волосы длиной до плеч.

Внезапно он встревожился. Парень вскочил, держа в руке клочок бумаги с номером моего мобильного телефона.

— Извини, я не хотел тебя беспокоить, — пробормотал он, хотя я сама заговорила с ним. Он резко повернулся и убежал. Я даже не спросила его имени, только татуировка на его предплечье осталась у меня в памяти: волчок, развернутый вверх ногами.

— В память о матери, — всхлипывая, сказал он.

Я встала. Друзья ждали меня слишком долго.

Новости Софии отвлекли меня, прогнав мысль о незнакомце. Она с кем-то познакомилась. В этом не было ничего необычного, но то, как подруга говорила о нем... Я никогда раньше не слышала, чтобы София так отзывалась о парне. А я знала ее с детского сада! И тогда я поняла: все серьезно. Она показала мне размытое изобра-

жение его профиля в соцсетях, на котором едва можно было разглядеть его лицо, и рассказала мне о его необычном индейском имени: Нийол.

Несколько недель спустя София познакомила нас, когда Лео с Элли забрали меня из бара после смены. Он выглядел значительно лучше — здоровый цвет кожи, никаких красных глаз, но я все равно сразу узнала, что это тот самый парень, которого я утешала перед галереей. Его черные волосы, собранные в пучок, блестели, а на его щеках была трехдневная щетина, с которой он выглядел чертовски привлекательно. София уже изрядно выпила, и от радости, что мы наконец-то с ним познакомились, не заметила моей реакции. Нийол сделал вид, что никогда меня не встречал, а я была слишком удивлена, чтобы что-то сказать в свое оправдание. Позже, когда все танцевали, он отвел меня в сторону и попросил ничего не рассказывать Софии о нашей встрече.

— Я знаю, что многого прошу, — сказал он, увидев мой недоверчивый взгляд. — Но у меня нет никакого желания быть для нее этим человеком. Когда придет время и мы узнаем друг друга немного лучше, я расскажу ей о произошедшем. А пока это мое дело. — Он говорил искренне, и хотя у меня возникло неприятное чувство, что мне нужно держать что-то в тайне от своей лучшей подруги, я согласилась. Да, он был прав — это его дело. Поэтому я расслабилась и попыталась повеселиться.

Вот только вышло так, что он так этого и не сделал. София постепенно влюблялась все больше, но Нийол начал писать мне. Вначале это были только короткие сообщения, которые он даже не присылал мне специально. Это больше походило на то, что ему просто нужно было выбросить из головы свои мысли. Я каждый раз подавляла потребность написать ему, чтобы он прекратил это, потому что в конечном счете я испытывала еще бóльшую жалость, когда Нийол рассказывал о том, как пуста его квартира и как он иногда просыпается по ночам от своих снов, в которых его мать еще жива.

С каждым сообщением он вновь и вновь переходил невидимую границу. Потому что открывал свои мысли мне, а не Софии, хотя она была той, которую он страстно целовал у меня на глазах, с которой ходил на свидания, в чьей постели спал. Это становилось все более странным. Когда мы все вместе гуляли, он смотрел на меня, держа ее за руку. Утром, когда я уходила в ванную, а он варил кофе на кухне, после того как снова проводил ночь в нашей квартире, я заставляла себя вести бессмысленную вежливую болтовню, хотя и знала о его самых темных тайнах.

И всегда был этот взгляд. Этот проклятый пронзительный взгляд, которого я раньше никогда не встречала.

В какой-то момент я поймала себя на том, что сознательно выпивала слишком много, чтобы

без угрызений совести отвечать на его сообщения или звонить ему посреди ночи, когда знала, что сейчас Нийол не с Софией. Эти ответы превращались в многочасовые телефонные звонки, и в конце концов сами собой появлялись встречи. Мы ничего не делали, просто разговаривали. Но каждый раз после того, как я покидала его квартиру, я не могла смотреть Софии в глаза. Меня мучили угрызения совести, я была уверена, что мое предательство написано у меня на лице, ведь мы стали друг другу практически сестрами. Но ни у Софии, ни у Лео, ни у Элли не возникало подозрений, хотя со временем все заметили, что я странно веду себя по отношению к Нийолу. София даже спросила меня, имею ли я что-то против него и может ли она сделать что-нибудь, чтобы убедить меня в том, какой он замечательный парень. Я придумала глупый предлог, и внутри меня что-то умерло. Я должна была немедленно покончить с этим, что бы это ни было. В тот же вечер я сообщила Нийолу о своем решении, пока София стояла под душем.

Он ничего не ответил, просто смотрел на меня своими темными, глубокими глазами, а потом, когда я наконец смогла оторваться от его взгляда и хотела покинуть квартиру ради собственной безопасности, потому что мне невыносимо было видеть их вместе, он притянул меня к себе и поцеловал. И хуже всего было не то, что я не сопротивлялась. Хуже всего было то, что мне

хотелось, чтобы он никогда больше не останавливался.

С этого момента я потеряла себя.

Я отпрянула назад, ни на секунду не задерживаясь, потому что уже слышала, как щелкнул замок ванной. Пока я бесцельно бродила по улицам, снова и снова прокручивая в голове случившееся, я чувствовала себя худшим человеком на земле. Однако была еще одна эмоция — она напоминала опьянение. То, что вызывали во мне прикосновения Нийола и его взгляд. Я никогда раньше не испытывала такого. Однако позже я позвонила Нийолу и спросила, не испытывает ли он угрызений совести по отношению к Софии.

— Я влюблен в нее, — сказал он. — Я не хочу причинять ей боль, но тот факт, что между нами происходит что-то необъяснимое, ты не можешь отрицать. Я больше не могу противиться этому.

Сказанного было достаточно, чтобы заставить меня, наивную, слепую, самолюбивую девушку, еще на несколько дней погрузиться в бездну. Этого хватило, чтобы парализовать мою совесть, все принципы и представления о морали.

Когда София поехала со своими родителями на выходных в Морли, я согласилась встретиться с Нийолом в клубе за городом, в месте, где никто нас не узнает. Та ночь изменила все. Не только потому, что это было чертовски идеально, но и потому, что произошедшее показало мне власть,

которую он имел надо мной. Что Нийол мог заставить меня сделать. Я последовала за ним в его квартиру, и все прошло как надо. Когда на рассвете я со слезами на глазах шла домой, то знала, что он никогда не закончит это. Ни с Софией, ни со мной. Поэтому я приняла решение, зная, что оно изменит мою жизнь.

Как только София вернулась в наш дом, я собрала все свое мужество и призналась ей во всем. Она дала мне выговориться, ни разу не прервав. Ни криков, ни ругательств не последовало.

— Перестань плакать, — сказала она, когда я закончила эту ужасную историю. Потом она заплакала сама. Слезы побежали у нее по щекам, но она не издала ни звука. Всю ночь лежа без сна в своей постели, я слышала, как она складывает вещи. На следующее утро пришли Элли и Лео, чтобы помочь ей уехать. А я все еще не могла перестать плакать.

Сейчас

Я задержала дыхание и погрузила голову в воду. Моя кожа стала мягкой, но расслабление, на которое я надеялась, так и не пришло. Я вылезла из теплой постели и отправилась в ванную, потому что не могла успокоиться.

Теплая постель, в которую мы с Уиллом упали вчера после того, как вернулись в дом в Идоре.

Неудивительно, что я не сомкнула глаз. Не только его близость повергла меня в смятение,

хотя вполне определенно способствовала этому. В моих мыслях снова и снова прокручивались события последних дней. Похищение. Зрительные галлюцинации. Эвелин. Стихии. Приемные родители. Водопад. Прыжок во времени. Поездка на машине. Похороны. Прощание. Уилл. Остров. Нийол.

То чувство, когда я выпрыгнула из окна. А потом всего через несколько часов увидела, как в новостях горит моя квартира. Я потеряла контроль над своей жизнью. Познакомилась с новыми людьми. В самом деле ощутила суть инвентов.

Вода жгла широко раскрытые глаза. Ну что ж, посмотрим, могу ли я воспользоваться своим талантом? При погружении на поверхности образовались пузырьки и разлетелись в стороны, а потом растворились полностью. Я внутренне сочитала до десяти. Сонливость охватывала меня, в то время как кислорода становилось все меньше.

Уилл будет в ярости.

Конечно, часть меня хотела вернуться к Софии в нашу старую гостиную. В мир, где родители и лучшие друзья не считали меня мертвой.

Но я по-прежнему понятия не имела, что происходит в моих видениях и что я видела в последние два раза.

Я зажмурила глаза, потому что становилось все сложнее сопротивляться потребности в кислороде. Одной рукой я цеплялась за холодный

бортик ванны, другой — за серебристый, искусно украшенный кран.

Отвлечься. Мне нужно отвлечься.

Передо мной появился Нийол, стоявший на крыше с Арьей. Его блестящие черные волосы развевались на ветру.

Воспоминание полоснуло раскаленным жаром по моим жилам. Это действительно был он. Спокойный и беззаботный, не подозревающий, что я нахожусь всего в нескольких метрах от него. Как он был связан со старейшиной Пноэ? Доверила ли она ему ответственное задание поехать в Лидс, потому что они были родственниками?

Как я могла оказаться такой глупой? Нийол не случайно вошел в мою жизнь, не так ли? Кто знает, действительно ли умерла его мать, или он искал повод разбудить во мне жалость? Неужели он специально выбрал Софию и играл с ней?

Мне стало плохо. Как загорались ее глаза, когда она рассказывала о нем!

Отрывистыми фразами я описала Уиллу, пока он тащил меня вниз, кто этот парень на крыше напротив. Он только кивнул и не стал вдаваться в подробности.

В конце концов, мой инвент не участвовал в заговоре и понятия не имел, что самая большая ошибка в моей жизни, по-видимому, была совершена из-за Омилии.

Моя хватка ослабла, и я скользнула глубже в ванну.

Мои мысли окутал легкий туман. Если бы две недели назад я знала, что буду лежать в полной ванне и пытаться задержать дыхание до потери сознания, чтобы иметь доступ к тому, что в любом случае происходит только в моей голове, то прыжок из окна показался бы не такой плохой идеей.

Когда поле моего зрения начало заполняться чернотой, я ощутила нечто вроде облегчения. Это был подарок небес, возможность убежать от реальности на несколько ударов сердца.

Как раз в этот момент раздался неприятный рвущий звук. Не успела я опомниться, как меня вытащили на поверхность. Это была жесткая хватка очень сильных рук.

Задыхаясь, я втягивала в себя воздух. Потом заставила свои веки разомкнуться. Все перевернулось. Сначала я увидела мятную занавеску для душа. Перед тем как погрузиться, я стянула ее. Теперь она наполовину лежала на зеленых плитках — передняя часть свисала вниз, очевидно, оторванная от перекладины.

Очень медленно я подняла голову и осмелилась взглянуть в лицо своего спасителя. Гнев, который я почувствовала при мысли о Нийоле, отразился на лице Уилла. В пятидесятый раз.

— Не могла заснуть, — после нескольких секунд молчания произнесла я. Это должно было прозвучать в мою защиту, но, к сожалению, в голосе слышалась только вина.